

Геннадий Тищенко

# Аномалия Командора

Научно-фантастический рассказ

Свежий осенний ветер гнал к морю жёлтую листву. На площади перед памятником, вырвавшись из тенистых аллей, он бушевал с особой силой, раскачивал деревья, окружавшие площадь, и пытался сорвать плащ с одинокого человека, стоявшего перед памятником. Человек не замечал ветра. Он вглядывался в гранитное лицо, и губы его время от времени беззвучно шевелились. Он словно разговаривал сам с собой. А может быть, с памятником.

«Пожалуй, он выглядел тогда моложе, — думал человек, всматриваясь в гранит. — Или я старею слишком быстро? Впрочем, прошло столько времени. Сейчас я уже старше его, ведь тогда ему было чуть больше шестидесяти. Неужели прошло тридцать пять лет?! — Человек незаметно огляделся по сторонам и осторожно расправил плечи, словно пытался сбросить тяжесть прожитых лет. — Да, прошло почти тридцать пять лет, подумал он. Жизнь прожита, и ничего нельзя изменить...».

Мысли его перенесли к временам, когда ему не было и тридцати. Тогда здесь было море. Человек недоверчиво посмотрел под ноги. Плиты, которыми была вымощена площадь, казались многовековыми. Из трещин пробивались тонкие светло-зелёные травинки. Несмотря на осень.

И, тем не менее, тогда здесь было море. Приморский парк расширили лет тридцать назад, ещё до того, как в Каспий начали поступать воды северных рек. С тех пор уровень воды оставался постоянным. Но тридцать пять лет назад здесь плескались волны и резвились дельфины, переброшенные сюда из Чёрного моря.

Человек вновь огляделся по сторонам и твёрдой, слегка напряжённой походкой отошёл от памятника. В тени раскидистой чинары он сел на скамейку.

Несмотря на то, что был уже октябрь, под открытым солнцем было ещё жарко. Но в тени можно было сидеть даже в плаще.

Памятник был хорошо виден отсюда. Человек смотрел в сторону гранитного изваяния, и мысли упорно уносили его в прошлое...

Ему повезло: юность и зрелость совпали с началом великих космических открытий. Звёздные корабли впервые вышли за пределы Солнечной Системы, и человечество начало познавать мир иных звёзд. Это было время романтиков и героев. Время, когда искали и ошибались, но не останавливались на достигнутом, а шли вперёд. «Сквозь тернии к звёздам».

«А может быть, просто я был молод? — человек потёр морщины на лбу. — Может быть, потому так восторженно принимал я окружающий мир? Ведь позднее

пришло множество разочарований! Или всё естественно? Просто с годами появились трезвость и усталость? Не слишком ли многого мне хотелось? Юности свойственен эгоизм и переоценка собственных сил. В те годы я считал, что дело, которым занимаюсь, самое главное на свете, что все обязаны понимать это и помогать мне. Даже себе в ущерб...»

Человек недовольно поморщился: сейчас он думал по-прежнему. Он продолжал верить, что занимался самым важным для того времени делом.

Ему не было и тридцати, когда он вплотную приблизился к главному в своей жизни открытию. Его имя пользовалось большой, хоть и несколько скандальной известностью. И многие возлагали на него большие надежды. Он занимался гравитационной физикой. То есть наукой, без которой Эпоха Великих Космических Открытий просто не началась бы. Возможно, его талант и заключался в том, чтобы заниматься самым актуальным делом в науке, нащупать самое интересное и перспективное.

Основной темой его работ была «Теория аномальных искривлений пространства». Теперь каждый школьник знает, что без создания этой теории невозможны были бы переходы в подпространство, а, следовательно, и дальние межзвёздные полёты. Тогда, тридцать пять лет назад, в реальность таких переходов верили немногие. Нужно было иметь мужество, чтобы заниматься тем, что осмеивалось не только в научных статьях, но и в анекдотах, переходивших из уст в уста.

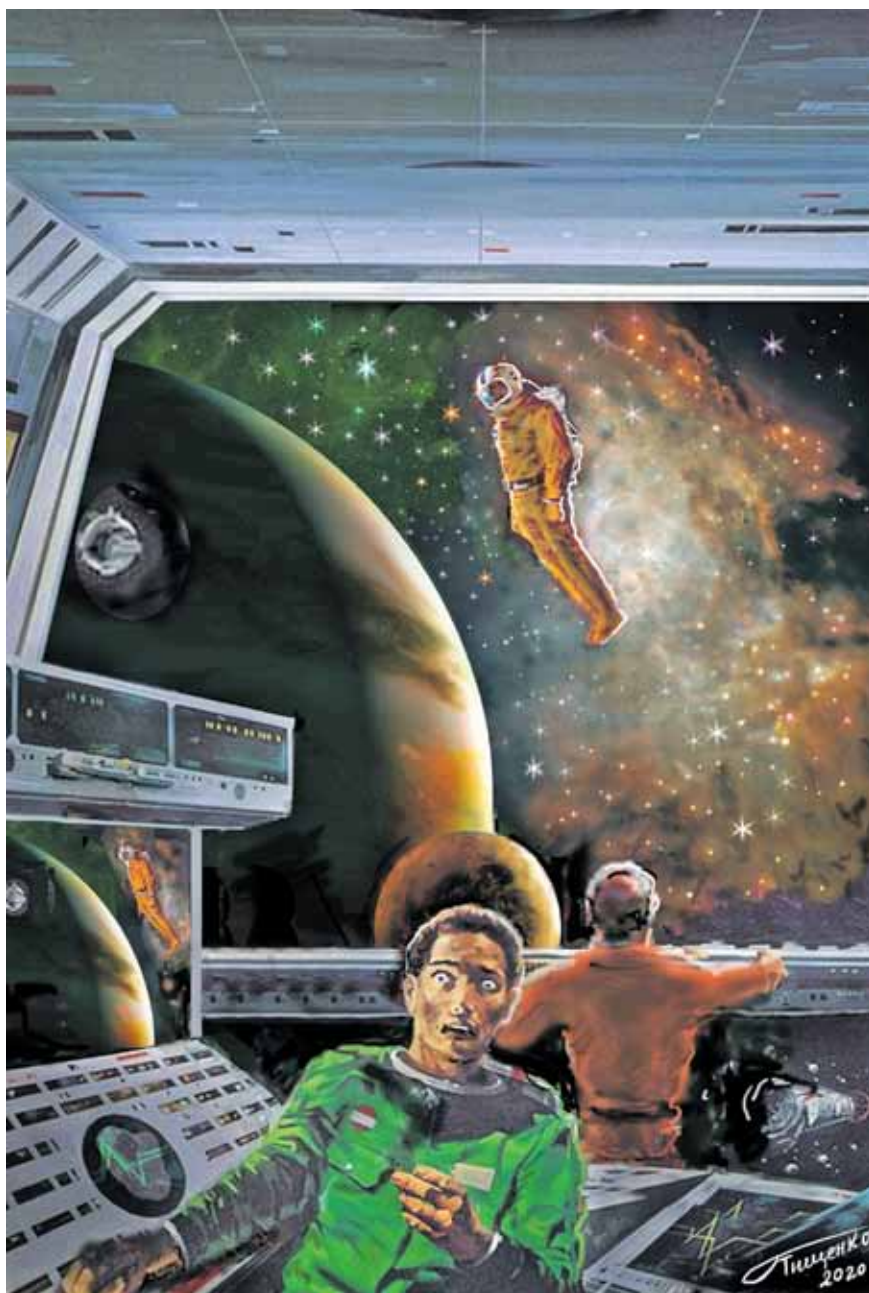
Для доказательства его Теории необходим был эксперимент в космосе. Этот эксперимент был рискован и дорогостоящ, поэтому он даже в мечтах своих не надеялся на его проведение. Но, к счастью, всё-таки нашлись люди, разделявшие его убеждённости, верившие в верность его теории.

Именно они и познакомили его с Командором.

Первая встреча с этим человеком ничем не поразила его. Не таким он представлял себе легендарного космонавта, о котором уже десятки лет ходили самые фантастические легенды.

Командор оказался неожиданно мал ростом и стар. По портретам, знакомым с детства, он представлял его высоким и могучим. И, конечно же, более молодым. Однако портреты его уже лет десять не появлялись в газетах и журналах, и за это время Командор успел невообразимо постареть.

Разговор был краток и скучен. Знаменитый космонавт не задал ему ни одного вопроса, и у него создалось впечатление, что Командор абсолютно ничего не понял в его сбивчивых объяснениях. Да и что мог понять



космонавт, пусть даже легендарный, если его не понимали даже многие физики, занимавшиеся, как и он, проблемами гравитации.

Он уже почти забыл о встрече с Командором, когда его неожиданно вызвали в Центр космических исследований и предложили заняться подготовкой к межпланетному полёту. Однако даже тогда он не понял, что это первый шаг к осуществлению его мечты и что этот шаг помог ему сделать Командор. Он узнал обо всём много лет спустя, когда Командора уже не было в живых.

Быстро пролетели месяцы усиленных тренировок, и вот он уже включён в состав экспедиции к Юпитеру. Конечно, он был рад. Кто в юности не мечтал о космических полётах? Но когда поползли месяцы однообразной жизни, не предвещавшей никаких неожиданных

открытий, он затосковал. Это была уже девятая экспедиция в систему Юпитера, и он согласился участвовать в ней лишь потому, что близ самой гигантской планеты Солнечной Системы мог проверить кое-какие положения своей теории.

Вспомнив, с какой неохотой отправлялся в экспедицию к Юпитеру, он невольно усмехнулся. Система Юпитера была исследована вдоль и поперёк. Интересными считались полёты в систему Сатурна, особенно на Титан, к Урану, Нептуну, в Пояс Койпера, планеты же внутри орбиты Сатурна годились лишь для новичков. Командир корабля Тенгиз Семёнов не скрывал своего снисходительного к нему отношения. Да и какого ещё отношения к себе мог ожидать он, возрастной стажёр, в тридцать лет бросивший парения в высотах теории и отправившийся «бороздить старушку Солнечную», как говаривал Семёнов.

Лишь надежда на то, что Командор добьётся разрешения на экспериментальный полёт к гравитационной аномалии, недавно открытой близ Юпитера, вселяла в него силы. Иначе он не вынес бы трудностей и насмешек и не получил бы положительной характеристики Семёнова, без которой немислим был полёт.

Да, ему всегда было трудно ладить с людьми. Характер ли у него был такой, или давала знать о себе добровольная изоляция, без которой, как он думал, невозможно было полное абстрагирование от окружающего мира.

Или его отношение к людям объяснялось тем, что его мало кто понимал?.. Короче, замкнутость и неуживчивость, возможно, и были причиной тому, что у него с каждым годом становилось всё меньше друзей и союзников. Но он думал, что без отрешенности от всего мелкого и суетного он ничего не добился бы, хотя не исключено, что воспринимаемое им как мелкая суета — и было жизнью. Он жертвовал всем: юностью, увлечениями, здоровьем...

«Неужели был другой путь? — подумал он вдруг. — Неужели я мог достичь того же, или даже большего, живя нормальной человеческой жизнью?! — Эта мысль с каждым годом посещала его всё чаще. — Неужели вся жизнь могла быть другой?! Более полной и радостной и при этом принести те же плоды без нечеловеческих усилий?..»

Он посмотрел в сторону памятника. К гранитному пьедесталу подошла молодая женщина и мальчик лет семи. В руках женщины были цветы. Большой букет алых гвоздик. Некоторое время женщина что-то тихо говорила мальчику, затем передала ему цветы, которые ребёнок осторожно положил на полированный гранит.

«Его память чтут, — подумал он. И, конечно, Командор заслужил это. А я? Разве десятилетия упорного труда, открывшего людям путь к звёздам, значат меньше?..»

Да, Командор добился своего: к гравитационной аномалии был отправлен самый совершенный по тем временам ионолёт. Полёт был рекордным по многим характеристикам и, несмотря на это, Командор добился его участия в полёте, хотя многие были против включения новичка в состав столь сложной экспедиции.

Полезная нагрузка корабля была минимальной, так как большую часть общей массы корабля составляли запас плутония для реактора и цезия, служившего рабочим телом ионных двигателей. Кроме него и Командора, в полёте участвовал опытный штурман Сергей Волков.

За долгие месяцы полёта ему удалось внести существенный вклад в свою теорию. Он смог теоретически доказать, что на окраине Солнечной Системы могут быть найдены своеобразные аналоги чёрных дыр. Главным в его теории являлся вывод о том, что в определённой ситуации можно было, скользнув близ зоны гравитационного коллапса, а точнее — около сферы Шварцшильда, уйти в иное пространство и сквозь него перенестись в иной мир.

Это было неслыханно дерзко, ведь по теории относительности ничего кроме эффекта замедления времени близ чёрной дыры не ожидалось. Да и являлась ли гравитационная аномалия чем-то хоть отдалённо похожим на коллапсар? Многие даже не удосужились разобраться в его теории, которая взрывала старые представления о пространстве-времени. Он и сам иногда сомневался в верности многих своих математических выкладок и общетеоретических рассуждений. Поэтому его так удивляла уверенность Командора в правильности выводов его теории. Ведь ветеран космонавтики был не особо силён в новейшей физике.

Однако последнее слово оставалось за экспериментом, который они должны были провести в окрестностях гравитационной аномалии. А эксперимент этот, как, впрочем, и весь полёт, был крайне рискованным. Дело в том, что для возвращения в центральную часть Солнечной Системы должно было использоваться поле тяготения гравитационной аномалии. Малейшая ошибка в расчётах могла привести к гибели. Ведь цезия ни на торможение в окрестностях аномалии, ни на самостоятельный разгон для возвращения к Земле не хватило бы. Оставалось лишь удивляться, как Командор добился разрешения на столь рискованный полёт. Видимо, прежде всего сказывался авторитет и вера в его навигационное мастерство. Кроме того, разгадка сущности гравитационной аномалии волновала многих

учёных. Изучение природы аномалии могло стимулировать дальнейшее развитие физики, космологии и астронавтики. И, наконец, если бы подтвердились выводы новой теории, то началась бы эра межзвёздных подпространственных переходов.

...Сигнал тревоги раздался за два часа до того, как они должны были пересечь невидимую границу зоны, в которой их уже не спасло бы никакое чудо. Такого не мог предвидеть никто. Это было именно то открытие, ради которого они и отправились в полёт. Резкие непредвиденные скачки напряжённости гравитационного поля, совершенно фантастические свойства пространства-времени и поразительные флюктуации в распространении электромагнитных волн в окрестностях гравитационной аномалии превосходили все ожидания.

Никакая теория не могла этого предсказать, и никакой космонавт не мог этого предвидеть. А тем более найти выход из создавшегося положения. Открытие, подтверждавшее теорию и открывавшее новые совершенно непредвиденные перспективы для её развития, несло им смерть. Больше того, они не могли послать сообщение на Землю, так как даже свет в искривлённом пространстве распространялся по законам, ранее неизвестным, вследствие чего невозможно было сориентировать на Землю луч передатчика.

— Если в течение часа не включим тормозные двигатели, то будет поздно, — сказал штурман Волков, просмотрев данные бортового компьютера.

— Но тогда у нас не останется цезия на обратный разгон? — спокойно спросил Командор.

— Да... — Волков ещё раз взглянул на показания компа. — Корабль будет перемещаться в направлении созвездия Большого пса и примерно через двадцать тысяч лет пролетит мимо Сириуса.

— Сможем ли мы передать сообщение на Землю? — Командор казался совершенно спокойным, и можно было лишь догадываться, чего стоило ему это спокойствие.

— Боюсь, что нет... Борьба с гравитационным полем аномалии потребует форсирования работы двигателя. Иначе, когда пересечём сферу Шварцшильда, мы просто исчезнем для этой Вселенной. И оттуда уже никакие сигналы...

— Так... — Командор внимательно посмотрел на штурмана, затем перевёл взгляд на него, продолжавшего лихорадочно изучать показания приборов. — Какие будут предложения?

Волков молчал, а он, оторвавшись от приборов, пожал плечами и улыбнулся, как бы извиняясь. Действительно, чем он мог помочь? Он был, прежде всего, учёным, исследователем. Он и сейчас изучал то, к чему стремился столько лет. Его ничтожный опыт астронавта не мог сравниться с опытом штурмана, а тем более Командора. Своей извиняющейся улыбкой он как бы говорил, что всецело полагается на них, вручая им свою судьбу. И ещё он этой улыбкой как бы отстранялся от

ответственности и просил не отрывать его от дела. Собственно говоря, до него тогда толком и не доходила вся опасность положения.

— Ясно, — проговорил Командор. — Но вообще-то, все показания приборов записываются и, если мы выберемся, у вас будет достаточно времени, чтобы проанализировать их.

— Да, конечно... — он вновь улыбнулся и заставил себя сесть спиной к приборам.

— Какие будут предложения? — обыденным голосом повторил Командор.

— Можно демонтировать защиту реактора, — предложил Волков. — Это около пяти тонн свинца...

— Ты предлагаешь весь обратный путь проделать в скафандрах? — Командор с сомнением покачал головой. — Боюсь, что и они не спасут нас от лучевой болезни. Ведь придётся кушать, пользоваться туалетом... Мы будем находиться под облучением больше семи месяцев.

— Если облегчим корабль на семь тонн, то сможем не только вырваться из ловушки, но и послать сообщение на Землю.

— Семь тонн... — задумчиво повторил Командор. — Значит, даже демонтаж свинцовой плиты недостаточен...

— Можно катапультировать аварийные запасы пищи, воды, кислорода, — неуверенно предложил он, искоса взглянув на показания приборов.

Напряжённость гравитационного поля продолжала неумолимо увеличиваться.

— При многомесячном радиационном облучении лишь нормальное питание даёт шанс выжить, — неуверенно проговорил штурман. — К тому же аварийные запасы имеют массу менее тонны...

— Если не начнём торможение через сорок минут, то будет поздно, — напомнил штурман, взглянув на бортовой хронометр и шкалу гравиметра.

— Можно демонтировать и выбросить кресла, — предложил он.

— Их масса меньше трёх центнеров, — возразил штурман.

— А перегрузки при торможении и посадке? — хмуро спросил Командор.

— Можно на пол лечь, — предложил штурман. — Ещё можно демонтировать некоторые дублирующие системы, фальшпанели...

— Итак, слушайте мой приказ! — Командор резко встал и подошёл к люку, ведущему в шлюзовую отсек. — Аварийные запасы — за борт. Штурман демонтирует дублирующие системы и амортизационные кресла, физик складывает всё это в контейнеры и передаёт мне, в шлюзовую отсек. Я отправляюсь облачаться в скафандр. По местам! Дорога каждая секунда!

— А защитную плиту? — растерянно спросил штурман.

— Потом, а пока выполняйте приказ!

...Через двадцать минут около двух тонн грузов уже находилось в шлюзовом отсеке.

— Несите ещё пару контейнеров с продуктами! — тоном, не терпящим возражений, приказал Командор. Он был уже в скафандре и готовился к закрытию люка, ведущего из орбитального отсека в шлюзовую.

— Но ведь уже достаточно! — пробормотал штурман.

— Приказы не обсуждаются, — внезапно изменившись в лице, проговорил Командор.

— Не пускай его!!! — закричал вдруг штурман не своим голосом и бросился к шлюзовому отсеку.

Мощный удар перчаткой скафандра, бронированной от космического излучения, отбросил штурмана назад, в орбитальный отсек.

Ударившись затылком о пульт, штурман повалился на пол.

— Время! — крикнул Командор. — Через восемь минут будет поздно!

И такая была убеждённость в голосе Командора, что он не мог не повиноваться. Он был словно в полусне. Перешагивая через распростёртое на полу тело штурмана, он помогал Командору вытаскивать в шлюзовую отсек всё новые и новые контейнеры с пищей, водой и кислородом.

Прошло три минуты, потом ещё столько же... Штурман уже начал стонать и шевелиться, а они продолжали вытаскивать в шлюзовую отсек запасы, предназначенные для одного из них.

То есть для Командора.

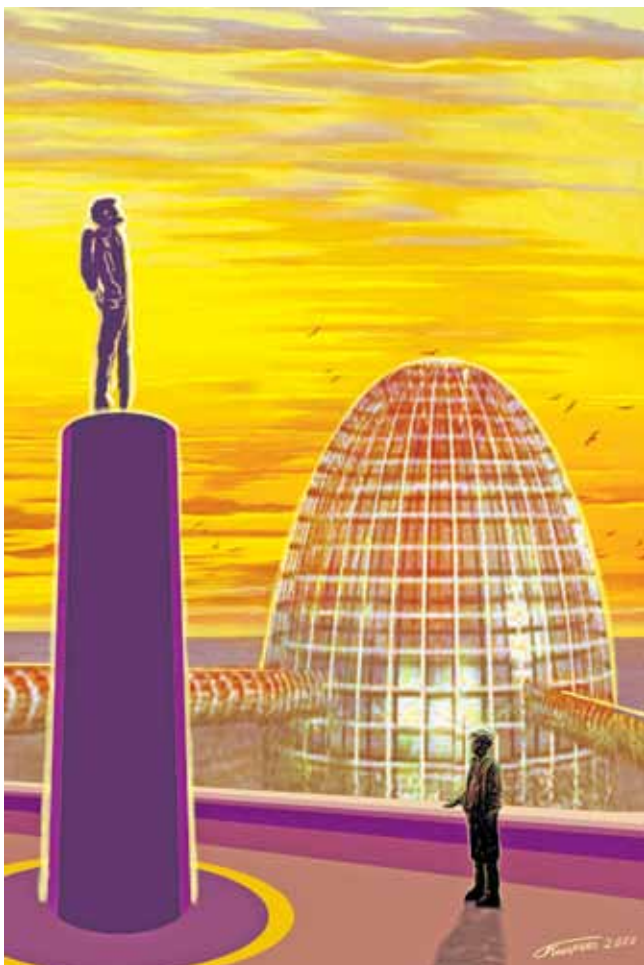
Несмотря на своё состояние, он понимал, что это был единственный правильный выход. Кто-то должен был пожертвовать собой ради жизни остальных. Иначе они погибли бы все. А запасы пищи, воды и кислорода, необходимые для одного человека на время обратного полёта, весили как раз около шести тонн. В этом случае отпадала необходимость в катапультировании противорадиационной защиты...

Позднее, вспоминая эти восемь минут, он пытался понять, как же так случилось, что он смалодушничал?! Ведь не страх, не трусость были тому причиной... Вернее, не только, или, может быть, не столько они?.. Ведь в эти минуты он думал и об открытии, которое только ещё начало формироваться в его мозгу. Вряд ли кто-нибудь, даже изучив записи показаний приборов, смог бы сделать правильные выводы и прогнозы, которые позднее привели к созданию гиперпространственных звездолётов. Ведь он работал в этом направлении многие годы почти в абсолютном одиночестве. Если бы он погиб, если бы погиб его мозг... Впрочем, может ли даже создание теории гиперпространственных переходов служить оправданием?..

С необыкновенной ясностью он вспомнил последние мгновения жизни Командора...

...Штурман уже стоял на своём месте. Ему было легче. Он сделал всё, чтобы помешать Командору, и не его вина, что в роковые минуты он был без сознания.

— Простите меня за первый и последний в моей жизни обман... — раздался усиленный громкоговорителем



голос Командора. — Позднее вы поймёте, что иного выхода не было. На дискуссии о том, кто должен был жертвовать собой, просто не хватило бы времени. Я уже достаточно пожил... — из громкоговорителя послышалось тяжёлое дыхание командора. Видимо, он выбрасывал в открытый космос последние контейнеры.

— Вот и всё, успел... — послышался вздох облегчения. — До начала торможения осталась минута...

Штурман, слегка покачиваясь, подошёл к пульту управления и включил обзорные экраны. Орбитальный отсек погрузился во тьму, а на экране засверкали яркие немигающие звёзды.

— Я должен уже покинуть вас, — раздался голос Командора.

На экране с изображением открытого люка шлюзового отсека появилась фигура человека в скафандре. На мгновение Командор замер на краю бездны, затем сделав на прощание жест рукой, резко оттолкнулся от люка и начал быстро удаляться. Через несколько секунд он превратился в едва заметную светлую точку.

— Слушайте мою последнюю команду, — внезапно громко сказал Командор. Видимо, он решил использовать для последних секунд связи всю энергию, запасённую в скафандре. — До пуска двигателей шесть секунд, пять, четыре... три... — с каждым словом голос

Командора становился всё тише, но слово «пуск» штурман, державший палец на клавише включения двигателей, всё-таки услышал. Повинуясь властному голосу Командора, палец его как бы сам собой вдавил клавишу, и из могучих двигателей исторглись струи ионизированного цезия, унося корабль из опасной зоны...

...С тех пор прошло тридцать пять лет... Никто, в общем-то, и не обвинял его. В конце концов, он тогда выполнял приказы Командора и действовал в полном соответствии с инструкциями. Но он не мог забыть долгих месяцев возвращения на Землю, за которые штурман не произнёс ни одного слова. Они оба выполняли свои обязанности, молча. Это было страшнее любого суда и любого приговора. Впрочем, нет... Суд собственной совести был страшнее, мучительнее.

Все эти долгие годы работой он пытался заглушить внутренние сомнения и искупить свою вину. Если она была. Лишь много лет спустя, когда о Командоре были написаны десятки книг, которые он перечитал не раз и не два, он начал понимать логику поступка легендарного космонавта.

Да, Командор не особо разбирался в теории аномальных искривлений пространства. Но он разбирался в людях. Встреча с молодым творцом теории гиперпространственных переходов нужна была Командору для того, чтобы выяснить степень его убеждённости в верности выводов.

Впрочем, молчание Командора, оказывается, вовсе не означало его некомпетентности. С удивлением он узнал, что Командор с его авторитетом уже десятки лет содействовал всему, что могло приблизить эру межзвёздных полётов. Больше того: к выводу о том, что лишь в случае гиперпространственных скачков межзвёздные полёты будут иметь смысл, Командор пришёл задолго до появления его первых работ по теории аномальных искривлений пространства. Этим и объяснялась та энергия, с какой он добивался разрешения на тот полёт, который стал для него последним...

...Вечерний бриз немного стих. Солнце постепенно спускалось к горизонту, и теперь скамейка под чинарой уже не была в тени. Человек с удивлением увидел, что на приморской аллее появились люди.

Тяжело поднявшись со скамейки, он подошёл к парапету, за которым едва слышно плескались волны, и некоторое время наблюдал за чайками, парящими над водой.

Неподалёку мальчишки кидали корм дельфинам, выпрыгивавшим из воды. Улыбнувшись детям и дельфинам, он медленно побрёл домой. Возле памятника он не остановился, лишь взглянул напоследок в волевое лицо Командора и прошёл мимо. И сегодня он, как всегда, не пришёл к ответу — верно ли он поступил в те роковые минуты у аномалии, оказавшейся первым обнаруженным людьми входом в гиперпространство.

Аномалия эта носила теперь имя Командора... ■